

М. А. Юсим

Институт всеобщей истории РАН
Москва, Россия

ЯЗЫЧЕСКИЕ БОГИ В ФИЛОСОФСКОМ РОМАНЕ Л. Б. АЛЬБЕРТИ «МОМ»

Сатирический роман «Мом» является одним из наиболее интересных и загадочных произведений ренессансного гуманиста и теоретика архитектуры Леона Баттисты Альберти (1404–1472). В нем в форме забавных новелл, аллегорий и притч затронуты самые разнообразные предметы и темы, от обременительных забот государей до переустройства мира и взаимоотношений людей и богов. Ядром сквозного сюжета является история Мома, античного бога насмешки, злословия и критики. Его изгоняют из сонма богов, он бродит по земле, беседует с философами, возвращается на Олимп в качестве советника и сотрапезника Юпитера, но в конце концов подвергается жестокому наказанию. Рассказ о судьбе Мома служит Альберти для изложения, как он сам пишет, серьезных мыслей в увлекательной форме. Сочинение, написанное в середине XV в., дошло до нас в виде нескольких рукописей, первые печатные издания датируются 1520 г., когда фигура Мома стала популярной в полемическом контексте начала Реформации. Сам Альберти в лице героев своего философского романа рассуждает о политике, религии, обществе, искусстве и других привычных для ренессансных гуманистов предметах. Античные бессмертные боги, мало чем отличающиеся от людей с их страстями и пороками, выступают также в качестве аллегорического воплощения отвлеченных понятий и качеств (Добродетель-Виртус, Молва-Фама, Обман-Фраус и др.). Устами действующих лиц Альберти высказывает много нетривиальных и даже крамольных с точки зрения официальных канонов суждений о политике и религии, но в целом они не выходят за рамки гуманистических поисков истины путем сопоставления разных мнений.

Ключевые слова: Леон Баттиста Альберти; «Мом»; политическая сатира; античные боги; античные философы; плутовской роман; латинская литература Возрождения

Благодарности

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФ, проект № 22-18-00481 «Межкультурные коммуникации в христианском Средиземноморье в условиях глобальных вызовов XIV–XV вв.: формы, динамика, результаты» (<https://rscf.ru/project/22-18-00481/>).

Языческие боги в философском романе Л. Б. Альберти «Мом»

Цитирование: Юсим М. А. Языческие боги в философском романе Л. Б. Альберти «Мом» // *Античная древность и средние века*. 2024. Т. 52. С. 414–430. <https://doi.org/10.15826/adsv.2024.52.023>

Поступила в редакцию: 28.01.2024

Принята к печати: 12.10.2024

Mark A. Youssim

Institute of World History of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

PAGAN GODS IN L. B. ALBERTI'S PHILOSOPHICAL NOVEL *MOMUS*

The satirical novel *Momus* is one of the most interesting and mysterious works of the Renaissance humanist and theoretician of architecture Leon Battista Alberti (1404–1472). In the form of amusing short stories, allegories and parables, it touches on a variety of subjects and topics, from the burdensome concerns of sovereigns to the reshaping of the world and the relationship between people and the gods. At the core of the transversal plot is the story of Momus, the ancient god of mockery, evil-speaking, and criticism. Expelled from the assembly of gods, he wanders through the Earth, talks to philosophers, returns to Olympus as Jupiter's counsellor and table companion, though finally receives a severe punishment. The story of Momus allows Alberti to convey, as he himself writes, the serious thoughts in entertaining form. Written in the mid-fifteenth century, the book under study survives in several manuscripts, with the first printed editions dating from 1520, when the figure of Momus became popular in the polemical context of the early Reformation. Alberti himself, through the characters of his philosophical novel, discusses politics, religion, society, art, and other subjects familiar to Renaissance humanists. The ancient immortal gods, who differ little from humans with their passions and vices, also act as allegorical embodiments of abstract concepts and qualities (Virtue – Virtus, Rumour – Fama, Deceit – Fraus, and so on). Through the voices of the characters, Alberti expresses many non-trivial and even imprudent from the point of view of official canons judgements concerning politics and religion, but in general they do not go beyond the humanistic search for truth by comparing different opinions.

Keywords: Leon Battista Alberti; *Momus*; political satire; Greco-Roman gods; Classical philosophers; picaresque novel; Latin Renaissance literature

Acknowledgements

The research is supported by the Russian Science Foundation, project no. 22-18-00481 *Intercultural Communications in the Christian Mediterranean in the Context of Global Challenges in the Fourteenth and Fifteenth Centuries: The Forms, Dynamics, and Results* (<https://rscf.ru/project/22-18-00481/>).

For citation: Youssim, M. A. (2024). Iazycheskie bogi v filosofskom romane L. B. Al'berti "Mom" [Pagan Gods in L. B. Alberti's Philosophical Novel *Momus*]. *Antichnaya drevnost' i srednie veka*, 52, 414–430. <https://doi.org/10.15826/adv.2024.52.023>

Submitted: 28.01.2024

Accepted: 12.10.2024

Леон Баттиста Альберти – одна из самых ярких фигур итальянского Возрождения, разносторонний гуманист, архитектор и теоретик искусства, не обделенный вниманием современников, но обретший подлинную славу спустя столетия и особенно популярный в среде исследователей Ренессанса в последние десятилетия¹.

Альберти писал на латыни и на «вольгаре», тосканском диалекте, который лег в основу итальянского литературного языка, но, как и у многих выдающихся флорентинцев (начиная с Данте и Петрарки), его отношения с родным городом были непростыми². Только в 1428 г. семье Альберти после почти 30 лет изгнания было дано разрешение вернуться во Флоренцию. Выходец из этой семьи Баттиста Альберти (1404–1472) был внебрачным ребенком, и лишь в 1432 г. папа Евгений IV (1431–1447) специальной буллой узаконил его положение³. Еще за год до этого благодаря тому же папе он смог принять

¹ Поток статей, монографий и диссертаций, посвященных Альберти, не иссякает, поэтому было бы бессмысленно пытаться привести хотя бы краткий библиографический обзор этой литературы. Из относительно недавних исследований, рассматривающих творчество Альберти-гуманиста, можно назвать: *Grafton A. Leon Battista Alberti: Master Builder of the Italian Renaissance*. New York, 2000; *Borsi S. Leon Battista Alberti e l'antichità*. Firenze, 2004; *Marsh D. Studies on Alberti and Petrarch*. Farnham, 2012; см. также: *Гарэн Э. Исследования о Леоне Баттисте Альберти* // Гарэн Э. Проблемы итальянского Возрождения : избранные работы / пер. с итал.; отв. ред. Л. М. Брагина. М., 1986. С. 173–213.

² См.: *Kuehn T. Family Solidarity in Exile and in Law: Alberti Lawsuits of the Early Quattrocento* // *Speculum*. 2003. 78. No. 2. P. 421–439; *Mancini G. Vita di Leon Battista Alberti*. Firenze, 1882. P. 1–20.

³ *Leon Battista Alberti: la biblioteca di un umanista* (Firenze, Biblioteca Medicea Laurenziana, 8 ottobre 2005–7 gennaio 2006) / a cura di R. Cardini. Firenze, 2005. P. 260.

духовный сан и получить церковные бенефиции, что позволило продолжить ученую карьеру. Баттиста (Леон – гуманистический псевдоним) с детства имел склонность к наукам, изучал право в Болонье и получил титул доктора, но с тех пор, как умер его отец Лоренцо (в 1421 г.), оставивший приличные суммы на содержание сыновей, благосостояние его и брата Карло зависело от родственников, распорядившихся этими средствами, а они, зажиточные торговцы, не одобряли избранного Баттистой пути интеллектуала и предпочли бы видеть его продолжателем семейной купеческой традиции.

Тем не менее, Альберти упорно следовал своим наклонностям, занимался и гуманистическим творчеством, и применением теоретических знаний на практике. Обида на родственников, которые не желали по достоинству оценить успехи гуманиста, сохранилась у Альберти на всю жизнь; ее отголоски наложили отпечаток на его мировосприятие и слышны во многих его произведениях. Вместе с тем стремление доказать правильность своего выбора и получить одобрение в собственной среде, по-видимому, подстегивало ученого и практика Альберти к новым свершениям. До конца жизни его не покидало желание сформулировать заповеди правильной или, как выражались гуманисты вслед за античными философами, «благой и блаженной жизни» в большой семье, которую Альберти ставил в центр социума⁴. В своих итальянских сочинениях «Книги о семье» (1430-е гг.)⁵ и «*De Iciarhia*» («Домострой», 1468) он развивает эти идеи, не особенно удаляясь от общих принципов нравоучительности. Латинские работы Альберти, в свою очередь, отличаются тем, что в них заметнее пессимистические ноты, не столь характерные для итальянского гуманизма этого

⁴ Отечественный исследователь творчества Альберти В. П. Zubov отмечает аналогии, проводимые писателем между домом и городом, который мыслился как государство, в трактате о зодчестве: «нет никакого сомнения в том, что Альберти мыслил город как целое. С полной отчетливостью эта мысль формулирована им в форме аналогии между домом и городом, или государством (*civitas*): город – большой дом, дом – малый город (I, 9 и V, 14)» (Zubov В. П. Архитектурная теория Альберти // Леон Баттиста Альберти / отв. ред. В. Н. Лазарев. М., 1977. С. 106).

⁵ Русский перевод: Альберти Л. Б. Книги о семье / пер. с итал. М. А. Юсима. М., 2008.

периода⁶. В 1428–1429 гг. (по другой версии, не ранее 1432 г.) Альберти написал трактат «О выгодах и неудобствах занятий науками» (*De commodis et incommodis litterarum*). Здесь он говорит о том, что эти занятия не сулят никакой прибыли и подходят только для того, кто бескорыстно предан поискам истины. Примерно тогда же (до начала 1434 г.) он написал по заказу «Житие святого Потита», на первый взгляд, совершенно противоположное гуманистическому идеалу, но отказ христианского мученика от земных благ оказывается вполне сопоставим с самопожертвованием ученого. Латинские миниатюры «Пес» (между 1438 и 1441 гг.) и «Муха» (между 1441 и 1443 гг.), подражающие Лукиану Самосатскому, пародируют гуманистические ценности, в шутливой форме показывая преимущество природы перед человеком⁷. В этот период Альберти создает только одно сочинение искусствоведческого характера (небольшой трактат «О живописи», 1435–1436 гг.). Только начиная с 1440-х гг. Альберти все больше внимания уделяет архитектурным проектам, связанным в том числе с изучением античного опыта, он пишет о древностях Рима⁸ и участвует в подготовке его реконструкции при папе Николае V (1447–1455).

К этому времени (1443 – не ранее 1452 г.) и относят самое, возможно, необычное сочинение Леона Баттисты Альберти «Мом»⁹,

⁶ О различии итальянских и латинских сочинений Альберти в связи со спорами гуманистов о языке пишет Ф. Фурлан (*Фурлан Ф.* Диалогика. Возрождение и новые формы диалога. Итальянские сочинения Л. Б. Альберти / пер. с итал. М. А. Юсима. М., 2012. С. 16). В. П. Зубов отмечает, что «Альберти не только писал, но и мыслил на латинском языке», а также говорит о противопоставлении «литературы гуманистов на латинском языке, обращенной к “республике ученых всего мира”, и литературы на народном итальянском языке, “для себя”» (*Зубов В. П.* Архитектурная теория Альберти. С. 92, 128).

⁷ Издание этих текстов на русском языке см.: *Альберти Л. Б.* Малые латинские произведения. Забавное, земное и небесное / пер. с итал. М. А. Юсима. М., 2021. (Приложение к журналу «Средние века». Вып. 12).

⁸ Перевод *Descriptio urbis Romae* на русский язык см.: *Альберти Л. Б.* Описание города Рима / пер. с лат. В. П. Зубова // Альберти Л. Б. Десять книг о зодчестве. М., 1935. Т. 2. С. 101–108.

⁹ Существует обширная литература, посвященная этому сочинению Альберти. Публикации на русском языке см.: *Брагина Л. М.* О формообразующей роли античного мифа в творчестве Леона Баттиста Альберти // Миф в культуре Возрождения / под ред. Л. М. Брагиной. М., 2003. С. 72–80; *Брагина Л. М.* Проблема власти в сочинениях Леона Баттиста Альберти «Мом, или О Государе» и «О зодчестве» // Королевский двор в политической культуре средневековой Европы. Теория. Символика. Церемониал / отв. ред. Н. А. Хачатурян. М., 2004. С. 71–80.

в некоторых рукописях и изданиях «Мом, или О государе»¹⁰. Обычно его определяют как сатирический роман, пародирующий придворные нравы, написанный в духе Лукиана и довольно непочтительно изображающий мир олимпийских богов¹¹. Можно назвать «Мом» философским романом и даже романом-трактатом, поскольку большое место в нем занимают диалоги героев с философами, – последние также показаны в критическом ключе. Привязанность Альберти к философии не вызывает сомнения, но в романе элементы отстраненности от философского идеала, мрачного скептицизма, скрытой и явной насмешки скорее преобладают. При этом, как заявляет сам автор, следуя традиции «поэтов», он изображает в виде античных богов человеческие страсти и отвлеченные понятия: «Я заметил, что древние писатели имели обыкновение рассуждать, наделяя именами богов те силы души, которые склоняют наше поведение в ту или другую сторону. Так, они показывали Плутона, Венеру, Марса, слепого Купидона, и в противовес им Палладу, Юпитера, Геркулеса и подобных им богов: первые символизируют пагубу и соблазн наслаждений и страстей, безумство и порывы возбуждения; вторые же – строгость ума и силу разума; с помощью этих сил души наполняются добродетелью и упорядочиваются размышлением,

¹⁰ Издатель критического текста романа Ф. Фурлан категорически отрицает возможность такого подзаголовка, считая его привнесенным позднее переводчиками и издателями (*Furlan F. Introduction. Momvs sev de homine // Alberti L. B. Momvs/Momus / éd. critique, bibliographie et comment. par P. d’Alessandro et F. Furlan ; trad. de C. Laurens ; introd. de F. Furlan. Paris, 2019. P. XXIV*). Действительно, заголовки и подзаголовки к сочинениям Альберти часто устанавливались позднейшими издателями. Однако сам Альберти уже во Вступлении к «Мому» заявляет: «мы собираемся писать о государе, каковой в качестве духа и ума управляет всем телом государства... в этих четырех книгах, если я не слишком пристрастен к своему труду, ты найдешь нечто, имеющее отношение к воспитанию совершенного государя, а также многое, что помогает познать обыкновения тех, кто государя окружает». И на протяжении всего романа он обращается к этой тематике, завершая его политическими советами Юпитеру.

¹¹ См.: *Marsh D. Lucian and the Latins: Humor and Humanism in the Early Renaissance. Ann Arbor, 1998; Kircher T. Living Well in Renaissance Italy: the Virtues of Humanism and the Irony of Leon Battista Alberti. Tempe, 2012; Fedele D. Il parresiasta punito, ossia “Momus” di Leon Battista Alberti // Politica e Religione. 2014. P. 89–110; Flores Militello V. In rebus gravissimis tractandis nusquam a risu iocoque discedas: Luciano, maestro de espíritu literario (y de griego) en el Renacimiento. El caso del Momus de Leon Battista Alberti // Araucaria. Revista Iberoamericana de Filosofía, Política, Humanidades. 2019. Vol. 21, no° 41. P. 311–328.*

либо они оказывают дурную услугу, заставляя мыслить и действовать нехорошо и неразумно. <...> Подражая поэтам... я обратился к богам, которых я изобразил в виде алчных, раздражительных и сладострастных существ, неучей, ветреных, подозрительных, и вместе с тем серьезных, зрелых, последовательных, деятельных, бодрых, прилежных и честных, и показал не без иронии, какими они будут в разных житейских обстоятельствах, как себя поведут; к каким славным или прискорбным, похвальным или позорным для государства последствиям это приведет, к его упрочению или перемене судьбы, величию и процветанию»¹².

Центральная фигура романа – бог насмешки и критики Мом, сведения о котором Альберти мог почерпнуть у Лукиана и других античных писателей¹³. Образ Мома стал особенно популярным уже спустя десятилетия после того, как Альберти написал свой текст, известный по нескольким рукописям и впервые изданный в Риме сразу дважды в 1520 г. Толкования этого образа столь же разнообразны и многоплановы, как и определения жанровых особенностей произведения Альберти. С одной стороны, Мом в соответствии с традицией показан как интриган, зачинщик раздоров, покушающийся на мир и спокойствие сонма богов, похотливый и неискренний неудачник; с другой – он выступает как остроумный собеседник, «самый умный из богов», который подает Юпитеру здравые советы и оказывается жертвой его промахов. В конце четырех книг романа царь богов, обнаружив в своем столе собранные опальным Момом политические советы

¹² Мом, Вступление, 6. Текст цитируется по изданию: *Alberti L. B. Momo o del principe / ed. critica e trad. di R. Consolo ; introd. di A. Di Grado ; present. di N. Balestrini. Genova, 1986.* Перевод был сверен по критическому изданию: *Alberti L. B. Momvs/Momus / éd. critique, bibliographie et comment. par P. d’Alessandro et F. Furlan ; trad. de C. Laurens ; introd. de F. Furlan. Paris, 2019,* откуда было заимствовано деление текста на рубрики.

¹³ Основные источники романа: «Совет богов», «Гермотим» и «Зевс (Юпитер) трагик» Лукиана, герметичный фрагмент XXIII Иоанна Стобея «Дочь мира» (*Kore Kostou*), «Киприи» из троянского цикла, басни Эзопа, см.: *Marsh D. Alberti’s Momus: Sources and Contexts // Acta Conventus Neo-Latini Hafniensis / ed. R. Schnur, A. Moss. Binghamton, 1994. P. 619–532; Pearson G. Philosophy Defeated: Truth and Vision in Leon Battista Alberti’s Momus // Oxford Art Journal. 2011. Vol. 34, Iss. 1. P. 6; Bracciali Magnini M. L. Fonti vecchie e nuove del Momus // Leon Battista Alberti umanista e scrittore. Filologia, esegesi, tradizione / a cura di R. Cardini, M. Regoliosi. Firenze, 2007. Vol. 1. P. 377–402.*

философов и ранее оставленные им в небрежении, находит их вполне здоровыми и полезными. Впрочем, значительная часть этих советов сводится к рекомендациям умеренности и осторожности в политических решениях, т. е. не выходит за пределы очевидности; не исключено, что Альберти мог скрасить вольнодумные выпады, которыми изобилует его сочинение, такой благонамеренной концовкой.

В романе видят и привычные для Альберти автобиографические мотивы, звучащие, в частности, в lamentациях одного из героев, философа Геласта¹⁴. Двойственность фигуры Мома заставляет заподозрить и в ней некоторый самокритический автобиографизм, который, правда, входит в резкий контраст с идеализированным образом Альберти, нарисованным в его жизнеописании конца 1430-х гг.¹⁵ Еще одна черта, о которой стоит упомянуть в этой связи, – неоднократно подчеркиваемое автором желание совместить приятное с полезным, развлечь читателя и преподать ему в забавной оболочке нравственные уроки. Здесь можно видеть проявление одной из характерных для мыслителей Возрождения черт: совмещать несовместимое, которую Макиавелли называл соединением серьезных и пустяковых вещей (*cose gravi e cose vane*)¹⁶.

Содержание романа вкратце таково: во вступлении (точно неизвестно, к кому обращается автор, вероятно, к какому-то просвещенному правителю), объясняются цели произведения: доставить читателю пользу и удовольствие редким сюжетом, показать государя и его двор, в художественной аллегории

¹⁴ Этот пассаж цитировал, в частности, Э. Гарэн: «Оказавшись на чужбине, я растратил цвет моей юности, в скитаниях и вечных лишениях, под бременем трудов и обид; я пережил измену друзей, родными был лишен средств к существованию, вынес клевету соперников, жестокость врагов... Эти поступки свойственны людям, и следует помнить, что ты – человек» (*Гарэн Э. Исследования о Леоне Баттисте Альберти*. С. 175).

¹⁵ Сегодня этот текст признается продуктом его собственного пера. Русский перевод в изд.: [*Альберти Л. Б.*]. Фрагмент анонимной биографии Леон-Баттисты Альберти / пер. Ф. А. Петровского // Альберти Л. Б. Десять книг о зодчестве. М., 1935. Т. 1. С. XIX–XXIX.

¹⁶ У Макиавелли в письме к Франческо Веттори от 31 января 1515 г. речь шла о любовных утехах и политике. *Machiavelli N. Tutte le opere secondo* / ed. M. Martelli. Firenze, 2018. P. 2945. Это совмещение серьезного и суетного он находил и у Лоренцо Медичи Великолепного.

изобразить эмоции и страсти. Альберти вводит главного персонажа, вспоминая миф о том, как Мом раскритиковал дары богов Юпитеру в виде созданных ими человека, быка и дома, и, в свою очередь, сотворил вредных насекомых, которые будут доставлять людям неприятности. Вызывающее поведение Мома и интриги богини обмана Фраус приводят к тому, что он вынужден бежать на землю. Здесь Мом настраивает людей против богов и спорит с философами, внушая им мысль, что нет никаких богов, кроме Природы, и жертвоприношения не нужны; дискуссии заканчиваются тем, что философы его избивают, выдрав половину бороды.

Боги решают, что лучше вернуть строптивного Мома на небо и посылают на землю богиню Виртус (Добродетель) с ее детьми – Хвалой, Триумфом, Трофеем и Будущностью (можно трактовать имя этой богини как память потомков – ее судьба на земле). Но и их здесь ждут неприятности от надоедливых людей, а что до Мома, то он влюбляется в Хвалу (Лаус), забирается к ней через окно, превратившись в плющ, и овладевает ею силой; отчего Хвала тут же рождает многокрылого и многоустого уродца – Молву. Следует заметить, что Мом, как бог критики и порицания, фактически хулы, воплощает собой противоположное Хвале начало. Но Альберти, в полной мере обыгрывая художественный прием сочетания живой картины с аллегорией, изображает своих героев разными красками: Хвала названа кокетливой и легкомысленной девицей, готовой со всеми заигрывать, что, впрочем, не мешает автору сочувственно описывать ее приключение. Молва же, рождающаяся в результате насильственного союза похвалы и порицания, изображена в виде всезнающего монстра, но при этом она готова помогать своему родителю Мому и в его благих, и в дурных начинаниях.

Люди, по совету Мома, приносят богам обеты, жертвуя ценности, чтобы получить от них исцеление, исправление дефектов внешности и т. п. Поначалу богам это нравится, и Мома возвращают на небо. Оказывается, что огромное множество человеческих приношений заполняет все небесные чертоги, и боги не знают, что делать с этим мусором. Мом находит для него место на морском берегу, а тем временем становится излюбленным собеседником Юпитера на пирах. Он рассказывает о своих злоключениях на земле, о том, что перепробовал все профессии

и лучше всего оказалось быть нищим бродягой, который не знает забот (к теме отказа от земных благ и забот Альберти постоянно возвращается в своих произведениях). Человеческий род, по мнению Мома, испорчен, а философы либо отрицают существование богов, либо обвиняют их в своих бедах. В защиту философов выступает вознесенный Молвой на небо Геркулес.

Юпитер, раздраженный сварами среди своих приближенных и капризами жены Юноны, под влиянием рассказов Мома о сотворенных царем богов людях решает переделать мир. Эта идея оказывается рискованной, и Юпитер не знает, как к ней подступиться. Он надеется узнать об этом у философов и инкогнито отправляется на землю, потом посылает туда поочередно Меркурия и Аполлона, но все эти попытки оканчиваются неудачами и свидетелствуют скорее об обреченности затеи обновления мира.

Тем временем Юпитер выносит эту идею на собрание богов, которое должен вести Мом. Тот выступает в роли козла отпущения, так как споры перерастают в конфликт, и в конце концов женщины-богини при участии Юноны и Геркулеса оскопляют Мома и бросают его в океан.

Люди, узнав о намерении Юпитера уничтожить старый мир, стараются задобрить богов, собирают для них золотые дары, устраивают игры, строят огромный и великолепно украшенный театр. Боги склоняются на их сторону; Геркулес в защитительной речи обвиняет в происках против людей злокозненного Мома и, между прочим, говорит о том, что новые зодчие не смогут выстроить на обломках старого мира нечто совершенное, чего в свое время добились старые архитекторы. Юпитер пользуется свершившимся фактом наказания злодея и возможностью свалить все на него: он приказывает заковать Мома в цепи и погрузить по голову в воды океана.

Четвертая книга изобилует самыми разнообразными картинками. Боги наблюдают с неба за приготовлениями людей к празднику. Мом просит нимф, пришедших его проведать, закрыть небо тучами, поэтому богам, чтобы наслаждаться зрелищем, приходится спуститься в театр. Здесь они занимают место изображающих их статуй. Отсюда следующий эпизод: в лесу разбойники схватили актера и философа Энопса, направлявшегося на праздник, но когда они ночью разожгли огонь и увидели

статую бога Ступора (его придумал сам Альберти), которую он выкинул туда, чтобы встать на ее место в театре, то приняли ее за бога и пустились в бегство. Неверующий Энопс с этого момента обрел веру в богов и, взяв одного из разбойников в плен, продолжил путь в город.

Другая сюжетная линия начинается в преисподней. Перевозчик душ Харон, услышав, что мир будет разрушен, решает посмотреть на него, для чего отыскивает для себя проводника среди умерших (сюжет, переворачивающий фабулу «Комедии» Данте). Он находит такового в лице философа Геласта, у которого не было монеты для платы за услугу Харона по доставке в ад. Путешественники отправляются в подлунный мир и по дороге ведут душеполезные беседы. Их появление в театре вызывает смятение среди актеров и смех наблюдающих за происходящим богов. На берегу моря Харон и Геласт становятся свидетелями драмы, разыгравшейся в команде пиратского корабля: пираты под видом игры убивают прежнего капитана и вместо него выбирают своего вожака. Затем начинается шторм, потому что ветры, привлеченные хохотом богов, налетели на театр и обрушили его. Боги, изображавшие свои скульптуры, пострадали, даже Юпитер разбил нос. Он приказал богам вернуть статуи на место и удалиться на небеса. На земле остались только Ступор, Надежда, Ночь и Плутон.

Геласт и Харон укрываются от бури в пещере, где томится Мом, и заводят с ним философскую беседу о неблагодарности людей и государей, о выборе образа жизни и т. д. Заканчивается роман сценой во дворце Юпитера: царь богов, разбирая бумаги, находит таблички с советами о правлении, переданные ему некогда Момом и оставленные без внимания. Эти советы оказываются ценными, особенно последний – разделить все вещи на три части, полезные качества даровать всем желающим, дурные – тем, кто к ним склонен, а те, которые можно употреблять и во зло, и во благо (богатство, почести и прочие земные блага) предоставить Фортуне. На этом текст и заканчивается.

Некоторые комментаторы рассматривают произведение Альберти как роман с ключом, т. е. пытаются увидеть в его персонажах намеки на реальных исторических лиц. В образе Мома видели, помимо самого Альберти, то гуманиста Бартоломео Фацио, на которого есть прямое указание в поздней приписке

к одному из сохранившихся манускриптов, то Франческо Филельфо, который, как и Мом, в одном из философских споров лишился половины бороды и в письмах к Альберти очень просил познакомиться его с текстом. В Юпитере видят то Николая V, задумавшего, но не сумевшего кардинально перестроить Рим, то Пия II (1458–1464), в Геркулесе – папских кардиналов и кондотьеров Джованни Вителлески или Людовико Скарампи¹⁷. Однако вряд ли можно отнести сочинение Альберти к разряду чисто политической сатиры, хотя это не исключает гипотезы о том, что он использовал для изображения некоторых героев свои зарисовки с натуры. Продолжая поиск исторических персонажей, которые могли послужить прототипами для Юпитера, который ожидает от философов чудесных рецептов по переделке мира, но потом оставляет все как есть, стоит вспомнить о Козимо Медичи, в годы написания «Мома» реального правителя Флоренции, с сыновьями которого Джованни и Пьеро, а также с внуком Лоренцо Великолепным Альберти так или иначе общался¹⁸ и, возможно, даже проектировал виллу Медичи во Фьезоле¹⁹. Сохранилось письмо Альберти к Козимо с благодарностью за предоставление бенефиция, места настоятеля церкви Сан Мартино а Гангаланди²⁰. Козимо, как считается, дал толчок развитию ренессансного платонизма, покровительствуя молодому Марсилио Фичино и созданию Платоновской академии²¹, его интерес к философии не был продиктован одной любознательностью, он хотел найти у великих философов древности подтверждение веры в вечную жизнь²².

Как бы то ни было, тема философии и философов, очевидно, не отпускала Альберти, и история Мома была для него очередным

¹⁷ См.: *Furlan F.* Introduction... P. XIV, XXVII–XXVIII, там же библиографические ссылки.

¹⁸ *Bertolini L.* Leon Battista Alberti // Nuova informazione bibliografica. 2004. Fasc. 2. P. 245–287. <https://doi.org/10.1448/13581>

¹⁹ *Froemel Ch. L.* Villa Medici a Fiesole e la nascita della villa rinascimentale // *Colloqui d'architettura* / a cura di A. Roca De Amicis. Roma, 2006. Vol. 1. P. 30–59, 200–201.

²⁰ *Bertolini L.* Leon Battista Alberti. P. 246. Письмо датируется предположительно второй половиной 1450-х гг.

²¹ См.: *Кудрявцев О. Ф.* Флорентийская Платоновская академия (Очерк истории духовной жизни ренессансной Италии). М., 2018.

²² О Козимо см.: Там же. С. 181–199. О связи Альберти и Марсилио Фичино см.: Там же. С. 249–257.

поводом высказать свои мысли, на этот раз не только в рассуждениях о карьере ученого, как в *De commodis*, и не только в форме пародии, как в «Псе», но и в открытом сопоставлении разных точек зрения на устройство мира, на богов и их взаимоотношения с людьми. Эти высказывания Альберти, как и весь его роман-трактат, неоднозначны, или, лучше сказать, многозначны; нельзя с уверенностью сказать, например, что автор, как и описываемые им философы, сводит божественное начало к природе, но уже сами рассуждения об этом грешат вольнодумством. Не зря они столь подробно изложены, хотя и в пропущенном через два фильтра виде: прямую речь философов передает Мом, который желает насолить Юпитеру и богам за то, что они используют его только в качестве шута.

Античных философов, как и богов, Альберти показывает скорее в пародийном ключе. Больше всего скепсиса из его героев проявляет Харон в разговоре с Геластом: «Я полагал, что вы, философы, все знаете, но как теперь вижу, вы можете только говорить об очевидных вещах так, чтобы невозможно было понять. <...> Поведаю тебе о том, что я слышал не от философа (ведь все ваши рассуждения сводятся к разным хитросплетениям и игре словами), а от некоего художника». И дальше Харон рассказывает притчу о том, что создатель человека сделал его из глины или из грязи с помощью двух бронзовых печатей. Он предложил людям идти к его жилищу на горе по прямой и крутой дороге, но «некоторые сразу же по своему скудоумию обратились в свиней, ослов и других четвероногих, а другие под действием страстей отклонились от прямой дороги». Возвращаясь к своим спутникам, они стали прятать уродливые лица за масками, и «ты едва ли смог бы отличить эти маски от подлинных лиц, разве только внимательно вглядываясь в оставленные там отверстия. В этом случае смотрящий может увидеть лица монстров». Лишь когда эти люди спускаются в загробный мир, маски растворяются под действием испарений вод Ахеронта (4, 45).

Альберти противопоставляет философам художников, зодчих и поэтов как творцов, более близких к практической жизни. Тем не менее, иронические отзывы и портреты философов уравновешиваются другими, доказывающими полезность и важность умственного созерцания. Сам автор романа во Вступлении говорит:

«я занимаюсь неким немаловажным родом философствования», намереваясь соединить художественный вымысел с нравоучением. Можно сказать, что философы в его романе составляют одну из двух центральных групп, вторая же образована не столько из людей вообще, сколько из богов, в лице которых по сути дела и показаны люди с их заботами и страстями. Боги обращаются к философам за советом, т. е. они действуют на равных – этого эффекта было бы труднее добиться, если бы философам метафорически противостояли обычные люди.

Философы посвятили себя Добродетели (в романе – богиня Виртус, соперница Фортуны), но когда Юпитер советует Меркурию поискать среди них, тот отвечает: «Еще неизвестно, о Юпитер, сравнится ли кто с ними в лживости и суетности. Чтобы ты понял, я сам иногда спрашивал у них, поскольку Добродетель и мне нужна, видели ли они эту богиню; они же клялись, что она запросто гостила у них, но ее там нет» (3, 17). Виртус является героиней одной из «Застольных бесед» Альберти (латинские миниатюры *Intercoenales*), причем единственной, получившей известность и переведенной на итальянский еще в XV в. Тогда она приписывалась Лукиану. В этом диалоге Виртус жалуется Меркурию, что Фортуна изгнала ее из Елисейских полей, и сам Юпитер не в состоянии спорить с Судьбой. Прототипом этого диалога Альберти являются «Беглецы» Лукиана, где не Добродетель, а Философия призывает Зевса наказать лжефилософов, подражающих настоящим²³.

Если исходить из тезиса Альберти о том, что в «Моме» он высказывает некие важные истины в виде забавных историй, аллегорий и притч, то эти истины едва ли можно уложить в четкую систему. Для Ренессанса был характерен калейдоскопический взгляд на мир, сопоставление разных точек зрения в диалоге, стремление соединить иногда даже несоединимые вещи. Мысль о том, что гуманисты обратились к изучению человека и его земного потенциала справедлива, но при анализе их творчества багаж средневекового христианского наследия

²³ *Vescovo P.* La “Virtus Dea” nel volgarizzamento di Niccolò da Lonigo // *Albertiana*. 2000. Vol. 3. P. 249–255; *Gattavari P.* Lucian in the Renaissance: the Latin and Vernacular Traditions in Fifteenth- and Sixteenth-Century Italy and their Interactions with Desiderius Erasmus and Thomas More. PhD Thesis. University College London, 2020. P. 30–31, 50–51.

было бы неверно сбрасывать со счетов. Античность привлекала гуманистов своей чувственной стороной, своей прекрасной мифологией и своими художественными памятниками. В языческом греко-римском Пантеоне нет такого дуализма, как в христианстве, его боги похожи на людей и отличаются лишь своим бессмертием. Но и в осудившем их как демонов учении можно не без основания находить (и люди XV в. находили) сходные или заимствованные от античного мифа черты. Героем Евангелия, как и многих мифов, является богочеловек; миром правит его создатель, но и у него, как у древнего Зевса / Юпитера, есть свой Пантеон из ангелов, архангелов, святых и т. д. Как и древние боги, христианский бог не отказывается от жертв и даров, но с прежними богами он делиться не хочет и не может. В эпоху Возрождения историческое восприятие религии как культурного феномена только зарождалось, но увлечение Античностью, безусловно, способствовало философскому сомнению и скептическому отношению к иррациональной вере и религиозным социальным институтам. Если Бог невидим и непознаваем, для чего нужны культы и вся церковная иерархия? Накануне Реформации бичевание пороков римской курии стало универсальным общим местом, но и задолго до этого служившие при той же курии гуманисты стали не только задумываться над разными опасными вопросами, но и обнародовать свои мысли, что до поры до времени сходило им с рук. Впрочем, они не собирались ниспровергать существующие институты и не заходили дальше согласования всех религий с христианством и с философией Платона (как Марсилио Фичино). Сочинения Леона Баттисты Альберти родились в этой культурной среде, поэтому он, как и другие гуманисты, готов и превозносить человека, и сетовать на его участь.

Устами Мома он говорит о том, что люди происходят от богов, держатся прямо и смотрят на звезды, и тут же предлагает Юпитеру заставить людей ходить вверх ногами, чтобы они не могли грабить, убивать и воровать. Правда, прибавляет он, это не поможет, через три дня они научатся совершать преступления ногами (2, 112). Но это говорит Мом, собеседник философов и философствующий насмешник, каким, может быть, представлял себя и автор романа.

REFERENCES

- Alberti, L. B. (1935). Opisanie goroda Rima [Descriptio Urbis Romae] (V. P. Zubov, Trans.). In L. B. Alberti, *Desiat' knig o zodchestve* [Ten Books about Architecture] (Vol. 2, pp. 101–108). Moscow: Izdatel'stvo Vsesoiuznoi akademii arkhitektury.
- Alberti, L. B. (1935). Fragment anonimnoi biografii Leon-Battisty Alberti [Fragment of an Anonymous Biography of Leon-Battista Alberti]. (F. A. Petrovskii, Trans.). In L. B. Alberti, *Desiat' knig o zodchestve* [Ten Books on Architecture] (Vol. 1, pp. XIX–XXIX). Moscow: Izdatel'stvo Vsesoiuznoi akademii arkhitektury.
- Alberti, L. B. (2008). *Knigi o sem'e* [Books on Family]. Moscow: Iazyki slavianskikh kul'tur.
- Alberti, L. B. (2021). *Malye latinskie proizvedeniia. Zabavnoe, zemnoe i nebesnoe* [Opera Latina Minora. The Amusing, the Earthly and the Heavenly]. Moscow: Institute of World History.
- Bertolini, L. (2004). Leon Battista Alberti. *Nuova informazione bibliografica*, 2, 245–287. <https://doi.org/10.1448/13581>
- Borsi, S. (2004). *Leon Battista Alberti e l'antichità*. Firenze: Polistampa.
- Bracciali Magnini, M. L. (2007). Fonti vecchie e nuove del Momus. In R. Cardini, & M. Regoliosi (Eds.), *Leon Battista Alberti umanista e scrittore. Filologia, esegesi, tradizione* (Vol. 1, pp. 377–402). Firenze: Polistampa.
- Bragina, L. M. (2003). O formoobrazuiushchei roli antichnogo mifa v tvorchestve Leona Battista Alberti [On the Shaping Role of Ancient Myth in the Work of Leon Battista Alberti]. In L. M. Bragina (Ed.), *Mif v kul'ture Vozrozhdeniia* [Myth in the Culture of the Renaissance] (pp. 72–80). Moscow: Nauka.
- Bragina, L. M. (2004). Problema vlasti v sochineniakh Leona Battista Al'berti “Mom, ili o Gosudare” i “O zodchestve” [The Problem of Power in the Works of Leon Battista Alberti *Momus, or on the Sovereign, and On Architecture*]. In N. A. Khachaturyan (Ed.), *Korolevskii dvor v politicheskoi kul'ture srednevekovoi Evropy. Teoriia. Simvolika. Tseremonial* [Royal Court in the Political Culture of Medieval Europe. Theory. Symbolism. Ceremonial] (pp. 71–80). Moscow: Nauka.
- Cardini, R. (Ed.). (2005). *Leon Battista Alberti: la biblioteca di un umanista (Firenze, Biblioteca Medicea Laurenziana, 8 ottobre 2005–7 gennaio 2006)*. Firenze: Mandragora.
- Consolo, R., Grado, A. di, & Balestrini, N. (Eds.). (1986). *Alberti L. B. Momo o del principe di Leon Battista Alberti*. Genova: Edizioni Costa & Nolan.
- D'Alessandro, P., Furlan, F., & Laurens, C. (Eds.). (2019). *Leon Battista Alberti. Momvs/Momus*. Paris: Les Belles Lettres.
- Fedele, D. (2014). Il parresiasista punito, ossia “Momus” di Leon Battista Alberti. *Politica e Religione*, 89–110.
- Flores Militello, V. (2019). In rebus gravissimis tractandis nusquam a risu iocoque discedas: Luciano, maestro de espíritu literario (y de griego) en el Renacimiento. El caso del Momus de Leon Battista Alberti. *Araucaria. Revista Iberoamericana de Filosofía, Política, Humanidades y Relaciones Internacionales*, 21(41), 311–328.
- Frommel, Ch. L. (2006). Villa Medici a Fiesole e la nascita della villa rinascimentale. In A. Roca De Amicis (Ed.), *Colloqui d'architettura* (Vol. 1, pp. 30–59, 200–201). Roma: Nuova Argos.

Furlan, F. (2012). *Dialogika. Vozrozhdenie i novye formy dialoga. Ital'ianskie sochineniia L. B. Al'berti* [Dialogica. The Renaissance and New Forms of Dialogue. L. B. Alberti's Italian Works]. Moscow: Kanon+.

Furlan, F. (2019). Introduction. Momvs sev de homine. In P. d'Alessandro, F. Furlan, & C. Laurens (Eds.), *Leon Battista Alberti. Momvs/Momus* (pp. XIII–XXXVI). Paris: Les Belles Lettres.

Garin, E. (1986). Issledovaniia o Leone Battiste Alberti [Studies on Leon Battista Alberti] (M. A. Youssim, & V. A. Mishin, Trans.). In L. M. Bragina (Ed.), E. Garin, *Problemy ital'ianskogo Vozrozhdeniia: izbrannye raboty* [Problems of the Italian Renaissance: Selected Works] (pp. 173–213). Moscow: Progress.

Gattavari, P. (2020). *Lucian in the Renaissance: The Latin and Vernacular Traditions in Fifteenth- and Sixteenth-Century Italy and Their Interactions with Desiderius Erasmus and Thomas More* (PhD Thesis). University College London, London.

Grafton, A. (2000). *Leon Battista Alberti: Master Builder of the Italian Renaissance*. New York: Hill and Wang.

Kircher, T. (2012). *Living Well in Renaissance Italy: The Virtues of Humanism and the Irony of Leon Battista Alberti*. Tempe: Arizona Center for Medieval and Renaissance Studies.

Kudryavtsev, O. F. (2018). *Florentiiskaia Platonovskaia akademiia. (Ocherk istorii dukhovnoi zhizni renessansnoi Italii)* [Platonic Academy of Florence: An Essay on the History of Spiritual Life of Renaissance Italy]. Moscow: Lum.

Kuehn, T. (2003). Family Solidarity in Exile and in Law: Alberti Lawsuits of the Early Quattrocento. *Speculum*, 78(2), 421–439.

Mancini, G. (1882). *Vita di Leon Battista Alberti*. Firenze: Sansoni.

Marsh, D. (1994). *Alberti's Momus: Sources and Contexts*. In R. Schnur, & A. Moss (Eds.), *Acta Conventus Neo-Latini Hafniensis* (pp. 619–532). Binghamton: Center for Medieval and Renaissance Studies.

Marsh, D. (1998). *Lucian and the Latins: Humor and Humanism in the Early Renaissance*. Ann Arbor: University of Michigan Press.

Marsh, D. (2012). Studies on Alberti and Petrarch. Farnham: Ashgate Variorum.

Martelli, M. (Ed.). (2018). *Machiavelli N. Tutte le opere*. Firenze: Bompiani/Sansoni.

Pearson, G. (2011). Philosophy Defeated: Truth and Vision in Leon Battista Alberti's Momus. *Oxford Art Journal*, 34(1), 1–120.

Vescovo, P. (2000). La "Virtus Dea" nel volgarizzamento di Niccolò da Lonigo. *Albertiana*, 3, 249–255.

Zubov, V. P. (1977). Arkhitekturnaia teoriia Alberti [Alberti's Architectural Theory]. In V. N. Lazarev (Ed.), *Leon Battista Alberti* (pp. 50–149). Moscow: Nauka.

Юсим Марк Аркадьевич

доктор исторических наук,
главный научный сотрудник
Институт всеобщей истории РАН
119334, Москва, Ленинский пр., 32а
E-mail: youssimm@mail.ru

Youssim, Mark Arkad'evich

Dr. Hab. (History), Chief Researcher
Institute of World History of the Russian
Academy of Sciences
32A Leninskii Ave, Moscow, 119334,
Russia
Email: youssimm@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-4040-5259>
WoS ResearcherID: J-8971-2018